

Все персонажи и события вымышлены. Любое совпадение случайно.

Чабрец.

«Так, случиться может с каждым,
"если пьян и мягкотел"»

В. Высоцкий

- Почему Чабрец?

- А чем плохо? Погоняло, как погоняло. Не лебеда какая, не мангыр даже. -

- Да так. Для поддержания беседы. Не этих же обсуждать.

Я кивнул на телевизор, где с отключённым звуком двое
Анал итиков норовились вцепиться друг другу в глотки.

Сидящий напротив меня худой, на грани истощения, мужичонка лет
немного за полтинник, с лицом человека, прошедшего жизнь не в библиотеке,
усмехнулся, скрутил пробку с бутылки, которую держал в руках и разлил по
глотку в пластиковые стаканчики. Один пододвинул мне, второй взял сам.
Мы соприкоснулись краями стаканчиков.

- Дзинь!

- Зачем дзинь?

- Так вроде чокнулись.

- Тогда дзинь.

- Была история.

Продолжил мой собеседник после того, как закусил черняшкой.

- В молодости ещё. В начале девяностых, не к ночи будь помянуты, но при
совке ещё. Каким фокусом я в эту грядку попал, уже и не скажу. Тогда же,
помнишь, поди, как с водкой было. Бутылку достать целое кино. Пацану тем
более. А тут идут такие... В сетке пузырей десять. Покруче, чем сейчас айфон.
Короче, рухнул как то я им на хвосты.

Где мы только в ту ночь не пили. Весь посёлок обошли раза на три. Очухался от тряски и жары. Глаза разинул, едем в "Москвиче" чуть ли не по пашне. Трясет как волка из "Ну, погоди!", когда он на свабое прыгал. Бодун ещё жуткий. Во рту..., сам понимаешь. А эти гаврики ржут как пони прежевальского.

- Мы где ваще? Ну, в ответ, конечно, всё в рифму. И мне ни одна не нравится.

- Куда хоть едем то?

Тогда уже в моду вошло в лес вывозить, прецеденты были. Очковато мне стало.

- Да не ссы. Богородскую траву едем собирать. Сам же ночью говорил. Богородскую траву? Ночью говорил? Да где же всё упомнишь. После полуящика то. Ещё и брагой где то, помню, догонялись.

- Пацаны, тормозните, ща харчи метну.

- Да децл осталось, терпи.

Таким тоном обрубали, что решил терпеть. И стала мне открываться глубина отверстия, в которое попал.

Ни одна же душа не знает, с кем я вчера завис. Из моих знакомых, в смысле. Да я и сам то их не знаю. Имен то даже не помню. Сижу, держу. А душа наружу рвется. Но, думаю, если не удержу, меня тут и оставят. И не факт, что живого.

Сушняк как в Сахаре, башка разламывается и предчувствия нехорошие. Сам знаешь, как оно с похмелья то.

Но, кабыть, приехали.

"Корефаны" мои из салона выскочили, достали из багажника мешки и всей толпой на поле. А я в кустики, жумбурушек подкормить.

Ладно, стравил пар, из кустов выполз, подошёл к машине. На капоте лежит пустой мешок, пара рукавиц и стоит бутылка пластиковая. Редкость по тем временам. Приложился я к ней, половину почти выхлебал, пока

отдуплять начал. Ну, чё, делать не фиг, хоть и муторно, а мешок то вот он, толсто намекает. Иди, мол, в поле, пахарь. Не отмажешься, народ сурьезный, могут и физическое замечание сделать. С занесением в грудную клетку. А то и воспаление головы устроить.

А я эту богородскую траву в детстве ещё с бабкой в деревне как-то раз собирал. Не помню уже ни фига. Но та, вроде, на сопке была, да и ростиком помене. Да чё помене. По земле стелилась. А тут кусты чуть не в мой рост, и на поле. Ладно, народ на сенокосе, знают, поди, чё делают. Присмотрелся я к ним, обхватывают ствол куста снизу и ведут рукой вверх, срывая листья. Потом всё, что сорвалось, мешок пихают. Тоже начал.

Сперва то, вроде, весело пошло, но солнышко печёт, головка вава, в желудке кака. Взгрустнулось мне что-то. Но кошу, куда деваться. Остальные тоже не сачкуют. Набивают мешочки, трамбуют ещё ногами, чтоб больше влезло. И куда им столько? Это же лет десять один мешок можно заваривать. Видать, шибко о здоровье заботятся. Ну, набили по мешку. Понесли к машине. Сели в теньке на перекур. Один из беломорины табак на газетку высыпал, остальные руки давай над ней тереть.

Ну, думаю, капец, к сектантам каким то попал, ритуал проводят. Пошаманили они, значит, забили табак обратно, раскурили, по затяжке сделают, другому передают. Точно, сектанты. До меня очередь дошла. Я головой мотаю, не буду, дескать. - Да хапни, чё ты. Не отравим, не ссы. Решил не спорить. Не отравят же, в самом то деле. Все же затянулись. А я тогда ваще то не курил, но пару раз пробовал, знал, как затягиваться. Но тут как-то жёстко пошло. Наверно, потому что с похмелья. Кое как прокашлялся. В голове зашумело, тошнот опять подкрался. Но запил водичкой. И так чё то балдежно стало. И пацаны, смотрю, оживились. Загоготали опять, как гуси на водопое. Я к старшему подсел.

- Слушай, а чё богородская трава такая высокая? Я, помню, по земле её собирал.

- А ты в какое время собирал то? На Иванов день, поди? А счас сентябрь на носу. Прикинь, как она выросла.

- Ну, так то да. А куда вам её столько?

- Лекарство варить будем. От всех болезней.

И так он это сказал, что охоту у меня отбил дальше расспрашивать. Сектанты же. Ещё в жертву принесут. Но душа просила.

- А похмелиться нету?

- А че, не поправило?

- Да как то куревом то поправляться не особо . Он вздохнул, достал из под сиденья бутылку. Там плескалось меньше стакана. Произведя несложные расчеты, я приуныл. На такую грядку этого только губы смочить. Видя мои колебания, старший успокоил . - Да не менжуйся. Мы не страдаем. Это ты вчера как не в себя заглывал. Мы то с понятием к алкоголю. Бычий кайф это.

Вот, думаю, жисть то кака. Кто с понятием, у тех водки хоть залейся, а кто, как я, с хвостов вот питается, потом в секты попадает.

Ладно, надо как то в себя зелье влить. Тепленькую то на жаре пить приходилось? Вот и я про то же. Давил, давил, еле-еле продавил. Есть такое слово:" надо".

Пока я водку в себя пристраивал, пацаны опять ритуал совершили. Я тоже потянулся. Наркомовские то принял, по фиг всё стало. Сектанты, не сектанты. А они меня обламывают.

- Тебе на водяру то не надо бы.

- Да че я, не курил, что ли ?

- Смотри, тебе жить. Короче, затянулся я раза три. Да смачно так, на всю ширину души. И не закашлялся ведь, что карактерно.

И всё!

Следующим ощущением был удар берца по рёбрам. Это потом я классифицировал, когда открыв глаза, увидел этот самый берц. Ещё выше

форменные штаны с красными лампасами, ещё выше ствол автомата и очень злую рожу.

- Очухался, укурыш? Вставай давай. И снова по рёбрам.

- А че такое?

- Че, приехал ты, вот че. Лет на восемь. Пошли.

- Куда?

- Не, гляньте, ещё спрашивает. Мент обращается к кому-то за моей спиной.

В поле зрения появляются ещё двое. Меня рывком ставят на ноги, заламывают руки и надевают браслеты.

- Э, вы че творите? За что?

- Ты прикинь, наглец! По тону я понимаю, что все трое возмущены до глубины души. Пытаюсь вспомнить, чего я мог натворить. В башке пустота. Помню только последнюю затяжку. Стоп, а пацаны то где? И снова похмельные мысли мрачные. Может я с ними че то сделал? Ага, с четырьмя. И где тогда "Москвич"?

Меня, тем временем, запикивают в собачатник «УАЗика»

. - Да вы скажите хоть, че я наделал?

Тот мент, что побудку мне устроил, как раз садился на пассажирское сиденье. Повернулся ко мне с очень удивлённой физиономией.

- Я не пойму, ты наглый в край, или дебил совсем? И водиле уже:

- Поехали.

И опять, как утром, по какой то пашне. Последние мозги, твари, вытрясают. Но мозги то хоть и трясутся, а понимают, что нахожусь я сейчас в каких-то дребнях, где менты толпами не ходят. Приехали они сюда не чай попить, и не водку даже. При стволах, всё по серьёзу. Меня вон спеленали, как в ясельках. То, что попал я в какой-то блудняк, уже понятно, теперь бы как бы выяснить, в какой. Решил на гордость плюнуть, запричитал пожалобней:

- Дяденьки милиционеры, ну скажите хоть, за что забрали? Я же не помню ничего.

Тот, что меня разбудил, вновь поворачивается и долго так на меня смотрит. Вот ты когда нибудь смотрел собаке в глаза? Видел, как она ерзать начинает? Вот я так же. Только что не скулил и под себя не сходил. А может и было чё, не помню. Наконец мент высказался.

- Не, по ходу, ты debil. Так играть талант нужен. Че, в натуре, не догоняешь?

- Да вы толком объясните, в чем я виноват! Ну связался с сектантами, ну, богородскую траву собирать поехали. Где преступление то?

На этих словах водила аж на тормоз нажал. Я об решётку всей физией приложился, кровь носом пошла.

- Блин, как только её не называли, но чтоб богородской...

Это водила.

А другой спрашивает:

- Какие сектанты?

- Да вчера повелся на халявную водку. А они сектантами оказались. Вот богородскую траву собирать заставили. Ритуал у них особый. Шаманят чё то над папиросой, потом курят одну на всех. А у самих несколько пачек. В жертву, поди, меня хотели принести. Вы их спугнули. Дяденьки милиционеры, спасибо вам, жизнь вы мне спасли.

Я уже и сам поверил, аж слезу пустил. По настоящему.

Ржач в «УАЗике» стоял минут пять. Только мне совсем не смешно было. Главное, понимаю, что как то удачно я пошутил, а когда не пойму.

Отсмеявшись и вытерев слёзы, старший, уже ментовской, а не сектантский, обратился к своим коллегам:

- И че с ним делать?

У меня в голове не жизнь моя мелькнула а обрывки молитв и слова Жеглова, типа, ввиду особой опасности, живыми можно не брать.

- Смотри, старшой, так то с поличным, вроде, взяли.

Старшой подумал с минуту.

- Ладно, здесь его оставлять точно нельзя. Доставим в отдел, пусть сами решают. Но я таких клоунов ещё не встречал.

И мы снова поехали.

- Дяденька милиционер,- Набрался я смелости спросить- А чё теперь со мной будет?

Старшой хмыкнул довольно:

- Расстреляют.

И снова ржач в три глотки.

Еду я, значит, в обоссаном собачатнике и думаю: профукал я свою молодую жизнь за несколько бутылок водки, да за мешок богородской травы, который и тот куда то делся. Так хоть знать бы, в чём моя вина. Не то, что легче помирать бы было, но всё-таки.

Приехали, вобщем, в отдел. Старшой меня под руки и, мимо дежурного, на второй этаж. Подвёл к кабинету, вежливо так постучался, вошёл. Меня в коридоре оставил. Без надзора. Уверен был, что не сбегу.

- Товарищ капитан, сегодня по маршруту ехали, спящего одного нашли.

- Так оформляйте и в камеру. Правил не знаешь? Только дежурному скажи, чтобы с той троицей, что сегодня взяли, не перемешал.

- Да вы бы с ним сперва пообщались. Я таких ещё не встречал.

- Блин, Иванов, я уже домой собрался. Ладно, давай его сюда.

Старшой завёл меня в кабинет. Там двое. Один в форме капитана, второй в штатском.

Вот попроси их описать, ни фиги не вспомню. Я смотрю на эту капитанскую форму, а мне выше погон ствол мерещится, в голову направленный. А на второго вообще смотреть боюсь. Чумуга стынет. В коже, времён чуть ли не ЧК, лысый, башка вся в шрамах, кулаки с мою голову. Хорошо, на стул усадили, так бы коленки подогнулись. Как не обделался со страху, до сих пор не пойму. Нечем было. Я же и про сушняк забыл от ужаса. Покойники не пьют. Оглядели они меня внимательно. Капитан спрашивает Старшого:

- За что рехтанули? Сопротивление оказал?

- Да это Саня тормознул резко, как байку услышал. Говорю, мне такой кадр впервые попался. Давай, рассказывай.

Старшой ткнул меня в бок.

Я рассказал всю историю по второму разу. Когда все оторжались, капитан позвал ещё нескольких ментов из других кабинетов. Даже дежурный пришёл, пост бросил. Я ещё раз повторил. Отсмеявшись, капитан спросил:

- Значит, говоришь, чабрец собирал?

Вот тут я язык прикусил. Слово то незнакомое, мало ли, соглашусь сейчас, что его собирал, хуже ещё будет. Хотя куда уж хуже.

- Да не, какой чарбец, говорю же, богородскую траву. А чарбец ваш я в глаза не видел.

И по новой все в улёжку.

А я стою, дурак дураком, и не боюсь уже вроде. Думаю, быстрее бы все закончилось.

Когда проржались, спрашиваю капитана:

- Перед расстрелом то с родными можно попрощаться?

Капитан натурально завис.

- Каким расстрелом?

- Дак вот, дяденька старшой сказал, что расстреляют меня.

Гляжу, у капитана лицо кровью наливается. Ну, думаю, всё, прямо тут и шлепнет. А тот поворачивается к старшому:

- Иванов, твою маму! Ты че творишь? Убогий же человек! - И ко мне:

- Вали с глаз моих, придурок, да больше на халявную водку пасть не разевай. Добром не кончится.

- Ку-ку-куда вали?

- Домой вали, дебил! Пока я тебя на пятнашку не оформил.

Ну тут с меня паралич то предсмертный сошёл. Понял, что расстрел отменяется, и надо ноги делать, пока назад не отыграли.

Вышел из участка на улицу. Вечер уже, стемнело. Стою, сопатка в крови, руки тоже, вытирал же кровь с морды, в траве этой богородской весь, в компот её, как пугало! Пытаюсь хоть как то вдузиться в ситуацию. Чё, вообще, случилось то? Чего менты с меня так ржали? Сперва на восемь лет оформить хотели, потом вообще расстрелять, теперь домой отпустили. Это же у нормального человека крышу сдует, а у меня, помнишь ведь, состояние какое. И " корефаны" то мои куда делись? И кто они такие?

Короче, мозги застыли, как холодец на подоконнике. Ни одной путней мысли. Озундуглел совсем.

И тут на плечо мне опускается чья то ладонь. Я чуть не заорал белугой, но когда увидел хозяина ладони, горло спазмом перехватило. Тот монстр в кожанке из кабинета . Мамочка моя! Да когда же этот ужастик закончится?

А этот страхолюд улыбается мне так, что кровь стынет и говорит:

- Богородская трава по другому называется чабрец.

И ушел в темноту.